
Г.Л. Тульчинский

УДК 17; 378

**Цифровая медиализация образования
и трансформация университетов:
социальный аудит и гуманитарная экспертиза***

Аннотация. Университеты подвергаются интенсивнейшей трансформации. Эта трансформация обусловлена изменениями технологического формата современной цивилизации, а главное – скоростью этих изменений. Университет должен учесть в наши дни не только и не столько профессиональной стандартизированной деятельности, сколько разработке и реализации инноваций, а то и непосредственно стартапов. Важно и необходимо говорить в этой связи о социально-культурном инжиниринге как о систематизации знаний, практик разработки, экспертизы и реализации проектов, связанных с преобразованием социальной реальности, социализацией личности. Такая экспертиза необходима не только применительно к итогам имплементации технологических проектов, но и применительно к целям разработки и процессу реализации таких инноваций. Можно предположить, что, тем самым, намечается новый запрос на гуманитариев, включая специалистов по прикладной этике.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, медиализация, прикладная этика, университет, цифровизация.

Интенсивная трансформация, в которую все глубже втягиваются современные университеты, имеет многофакторный и многовекторный характер. Обусловлено это, как представляется, тремя главными особенностями нынешнего цивилизационного контекста, который язык не поворачивается назвать цивилизационным *укладом* – настолько динамично он меняется с каждым годом.

Сфера образования традиционно понимается и реализуется как система воспроизводства накопленного социального опыта, включая – что является задачей университета – профессиональный уровень высшей квалификации. В этом плане образование – довольно инерционная система, особенно отечественное. Если к начальной и средней школе такой подход еще может выглядеть (все менее и менее) оправданным, то на высшую школу уже возлагаются надежды на участие не столько в погоне за опережающим технологическим

* Работа выполнена в рамках исследования «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм» при поддержке гранта № 18-511-00018 «Бел_а» Российского фонда фундаментальных исследований.

развитием, сколько активное участие в этой динамике и даже ее опережающее осмысление. Российская высшая школа только подходит не столько к решению этой задачи, сколько к ее постановке. И прикладная этика – область не столько некоего контекста проблемы, сколько входит в суть ее формулировки.

Для понимания этого имеет смысл остановиться на содержании самой цивилизационной трансформации, в которую втянута высшая школа – не только в плане содержания подготовки, но и общего университетского этоса.

Во-первых, это тотальная *медиализация*. Интернет, мобильная связь, социальные сети – радикально меняют практики в бизнесе, потреблении, государственном управлении, науке, образовании, искусстве, досуге, личной жизни. Человек получил в практическое пользование множественные модальности представления реальности, форматирования представлений о ней, новые возможности самопознания, самовыражения и социального позиционирования.

Современные коммуникативные технологии буквально пронизывают и интегрируют на единой технологической платформе практически все сферы жизнедеятельности. Меняется формат цивилизационной среды обитания. Коммуникация, ее интенсивность, регулярность всегда была решающим фактором развития как социума (порождения, трансляции социально-культурного опыта, возникновения и развития социальных институтов), так и личности, ее социализации и самореализации.

Речь идет о перманентной включенности в поток социальной коммуникации и открытом доступе к важным источникам и базам данных. Попытки отключения гаджетов на время занятий уже не помогают. Более того, это все в большей степени используется в проведении уже не только практических, но и лекционных занятий. Профессор перестал быть непререкаемым источником первичной информации. Его суждения, приводимые факты, мнения, сам его авторитет могут быть тут же во время занятия проверены и подвергнуты сомнению. А если сам преподаватель демонстрирует отставание от новейшей повестки в своей дисциплине, то сомнению подвергается и его профессиональная состоятельность как «уходящей натуры». Да от него и ждут уже не истину в последней инстанции, а горизонт рассмотрения, подходов к постановке и решению проблем, участия в коллективном поиске, модерацию этого поиска.

Но в настоящее время сама социальная коммуникация резко технологически трансформировалась. Основой трансформации, и это во-вторых, стала не менее тотальная *цифровизация*, т.е. разработка и использование технологий, основанных на идеях дискретно-

сти, алгоритмичности, вычислимости, программируемости – то, что определяет облик современной цивилизации: компьютерные технологии, информационно-коммуникативные технологии их применения.

Э.Томпсон, в его хорошо известной концепции выделял три стадии («волны») развития человечества: аграрную, индустриальную и постиндустриальную [2]. Каждая из них связана с рывком в знаниях и технологиях, приводящим к глубинным качественным сдвигам в жизни общества и смене доминирующих видов занятости. На первой стадии совершилось освоение природной ренты от собирательства и охоты до развитого сельского хозяйства. Индустриализация на основе машинного производства, электрификации стимулировала выход на первый план «вторичной занятости» (от обработки и переработки природного сырья до машиностроения и инженерно-проектной деятельности). Это обеспечило формирование и развитие качественно нового образа жизни: от урбанизации и научно-технической революции до секуляризма, сайентистской смысловой картины мира, буржуазных революций. Массовое индустриальное производство и научно-техническая революция заложили основы нового цивилизационного рывка – формирования постиндустриального общества массового потребления.

Аграрное и индустриальное производства поддаются автоматизации, создавая предпосылки высвобождения рабочей силы и ее перекачки из первичной сферы занятости во вторичную и затем – в третичную, связанную с обслуживанием. Именно сервис является доминирующей сферой занятости в постиндустриальном обществе. И цифровая медиализация обеспечивает эффективную автоматизацию этих рабочих мест – от водителей и кассиров до офисных работников, банковских и государственных служащих. Э.Томпсон называл эту перспективу «четвертичной занятостью»: благотворительная деятельность, творчество, волонтерство, социальная работа.

Можно было бы только радоваться подобной перспективе почти буквальной реализации нарисованной К.Марксом картины коммунистического общества, в котором мерой качества бытия станет свободное время, заполненное саморазвитием, проявлением сущностных сил человека, искренний человеческий восторг (*menschliche Freude*), богатство ощущений (*Reichtum der Empfindung*) и бьющую ключом радость жизни (*sprudelt Lebenslust*) [1, 186]. Но картина выглядит не столь утопической в контексте некоторых обстоятельств цифровизации и роботизации. Речь идет о радикальном изменении рынка труда, ликвидации огромного количества массовых профессий от водителей и бухгалтеров до юристов, перспективы уже начавшей-

ся в ряде европейских стран апробации гарантированного дохода (содержания) больших групп населения.

И медиализация, и цифровизация вполне вписываются в общую динамику исторического развития, связанную с изменением технологического уклада, если бы не, в-третьих, – *скорость этих изменений*. Так, между «огненной телегой» Н.Куньо (1769 г.), «паровой каретой» Мэрдока (1784 г.) и первым автомобилем К.Бенца с двигателем внутреннего сгорания (1885 г.), за которым уже проглядывает новая инфраструктура жизни, новый образ жизни – целая эпоха в 101 год. В результате, социально-культурные последствия автомобилизации растянулись на два столетия. По сравнению с этими темпами последствия цифровизации почти мгновенны – как это представлено на графиках *Hipe Cicles* известной консалтинговой и инвестиционной компании Gartner [8]. Если сравнить графики 2009 и 2017 годов – интервал менее 10 лет, то картина изменилась радикально. Так, дополненная реальность из триггера с ожиданием в более 10 лет уже вышла на устойчивое плато реального продукта. Место триггера 3-D printing занимает уже 4-D printing, т.е. печать объектов, способных со временем менять свои качества и форму. Да и в целом картина весьма показательна и даже поучительна.

Тогда получается, что задача университета учить не только и не столько профессиональной стандартизированной деятельности, сколько разработке и реализации инноваций, а то и непосредственно стартапов. В этой связи можно только приветствовать решения некоторых ведущих российских университетов допускать к защите выпускные квалификационные работы, выполненные в формате стартапов, включая технологическую проработку и бизнес-план реализации проектов.

Однако это вопросы, относящиеся, в большей степени, к содержанию и методике преподавания. В этическом плане они затрагивают самоопределение и позиционирование преподавателя – сюжеты немаловажные, но относящиеся к личностной нравственной профессиональной культуре. Однако есть вопросы этоса образования в целом и позиционирования отдельных университетов.

Тема о новой нравственной культуре некоего гибридного социума, в котором люди интегрированы с машинами в одну систему ответственных отношений, уже рассматривалась нами [5]. Но для университетов сюжеты цифровой медиализации далеко неоднозначны [6]. Так, перевод курсов и образования в режим online дает массу преимуществ и для студентов, и для преподавателей, и для менеджмента образовательным процессом. Но увлечение этой практикой порождает массу неоднозначных обстоятельств.

Если студент имеет возможность взять online-курсы в различных университетах или бизнес-центрах, получить соответствующие сертификаты, то какой университет выдает ему диплом? И нужен ли этот диплом выпускнику? Да и работодателя интересует скорее не диплом, а набор конкретных знаний и умений, подтверждаемых сертификатами.

Наметился тренд к монополизации рынка онлайн-курсов крупнейшими университетами (преимущественно – столичными), обладающими необходимыми техническими и финансовыми ресурсами. Эта тенденция ведет к разделению университетов на «производителей» и «трансляторов» контента онлайн-курсов и вырождению сложившихся в регионах научных и образовательных школ, деградации региональных университетов.

Еще одним следствием педалируемого перехода образования из живого общения в online является утрата студентами навыков публичного общения, обсуждения, формулировки, аргументации, отстаивания собственной точки зрения. При этом сама профессиональная аттестация в виде тестов сводится к нажатию опций. В результате на выходе – выпускник с клиповым сознанием и навыками геймера, капсулированная личность, пополняющая общество, в котором нарастают разделенность, манипулирование, новые неравенства, недоверие, тревожность, страхи, нетерпимость, а то и агрессия, чреватые напряжением и конфликтностью.

Именно в связи с этим представляется важным и необходимым говорить о социально-культурном инжиниринге – систематизации знаний, практик разработки, экспертизы и реализации проектов, связанных с преобразованием социальной реальности, социализацией личности. Речь идет о назревшем (если не перезревшем) расширении традиционного инжиниринга с учетом его социально-культурного и антропологического контекстов, соответствующего социального аудита и гуманитарной экспертизы, прежде всего – этической.

Обозначим, по крайней мере, главные задачи такой экспертизы. Прежде всего, это упомянутые уже социально-культурные последствия цифровизации. Разработка и использование соответствующих систем – чем дальше, тем очевидней – нуждается, как минимум, в комплексной междисциплинарной гуманитарной экспертизе, а иногда и социальном аудите. Так, сейчас, как показал один из круглых столов на последнем Петербургском международном культурном форуме, уже уходит в прошлое профессия архитектора, сам концепт архитектуры вытесняется урбанистическим социодизайном, когда сразу проектируется формирование образа жизни людей, работающих и живущих на конкретной территории. Власти Санкт-Петербурга, на-

пример, уже требуют от девелоперов и строителей учета необходимых социально-культурных объектов и пространств. В справедливости такого, по сути инжинирингового подхода, уже всех убедили выросшие вокруг города новые города-спутники в Девяткино, Кудрово, Пулковое. Но последствия – шире и глубже. Эксперименты с гарантированным доходом в наиболее благополучных европейских странах показывают, что большинство граждан гарантированному безбедному доходу, позволяющему заниматься саморазвитием, предпочитают работу.

Кроме того, важность социального и гуманитарного контроля обусловлена тем, что в самой социально-культурной сфере сформировались междисциплинарные комплексы знаний и практик, дающих возможности формирования и конструирования образа жизни, институтов. Это – культурные индустрии, социально-культурный маркетинг идей, некоммерческой деятельности, политический маркетинг, стратегические коммуникации, урбанистический дизайн, символическая политика, конструирование исторической памяти (героизации, скорби, забвения), культурной и гражданской идентичности. Не случайно эти возможности социально-культурных технологий нередко характеризуют как «мягкую силу». Цифровизация дает новые импульсы, открывает новые окна возможностей для развития и применения этих социально-культурных практик.

Наконец, все упомянутые процессы и практики предполагают определенное качество и уровень человеческого и социального капитала, без которого они не могут разрабатываться, использоваться и сопровождаться. Это необходимое условие обеспечивается здравоохранением, семейным воспитанием, системой непрерывного образования – их содержанием и формами. Которые также получают свои цифровые форматы и приложения.

Иначе говоря, цифровые технологии создают новые условия жизни, но и сами зависят от социально-культурного контекста их разработок и использования. Эти факторы оказываются не только «на выходе», но и «на входе» цифровизации, на самих ее процессах.

Интеграция, конвергенция осмысления этих планов в рамках гуманитарной экспертизы и социально-культурного инжиниринга способна создать новую ситуацию. Показательно, что цифровизация, создающая проблемы, способна выступить платформой решения этих проблем. Так, характер общемирового тренда (включая США, Китай, Индию, страны Прибалтики) приобретает переход от разрозненных коммерческих проектов, некоммерческой деятельности, социальной политики, даже – от попыток объединить их в новомодное в России «государственно-частное партнерство (ГЧП) или формы

межсекторального социального партнерства – к интегральным формам «преобразующего инвестирования» (ImpactInvesting) по производству общего благосостояния. И платформой такой интеграции становится блокчейн – но не как платформа финансового пузыря криптовалюты, а как платформа общей ценности (sharedvalue), а точнее – общей собственности, в которой уже нет «чистых бизнесменов», «чистого государства», «чистых благотворителей», а граждане, фирмы, корпорации, ведомства распределены по всему спектру ролей проектных соинвесторов – в зависимости от сути проблемы и конкретной конфигурации транзакций [7].

Кстати, в этой же парадигме выполнен и недавно опубликованный последний доклад Римского клуба с символическим названием *Сомеон!* [9], призывающий к консолидации общества, бизнеса и политики по реализации общего блага на основе «связности», обеспечиваемой цифровыми информационными технологиями. Похоже, что экономистам, даже институциональным, пора перечитывать обе книги А.Смита (о природе богатства и о природе нравственности) [2; 3], которые он рассматривал как единый текст. Кстати, в Китае, приступившем к реализации стратегии роста общего благосостояния, эти книги издаются под одной обложкой.

Таким образом, речь идет о все возрастающей актуальности изучения, осмысления и позиционирования междисциплинарного комплекса социально-культурного инжиниринга и гуманитарной экспертизы как «на выходе» (последствий) цифровой медиализации, так и «на входе» (при разработке таких технологий, и при их внедрении и освоении). На первых этапах в решение этой задачи входит обоснование методологии и институционализация комплексной гуманитарной экспертизы... Опыт преподавания такой дисциплины накоплен в магистратуре НИУ «Высшая школа экономики»-Санкт-Петербург. В настоящее время разрабатывается такой курс для направления «искусство и гуманитарные науки» в Санкт-Петербургском государственном университете. И прикладная этика – на первом плане содержания программы.

К таким разработкам проявляет интерес и реальный сектор – бизнес-структуры, как РЖД, Аэрофлот, вживую сталкивающиеся с рассмотренными выше ситуациями, порожденными цифровой медиализацией как на собственно сервисном рынке, так и на рынке труда. В этой связи можно предположить, что тем самым, похоже, намечается и новый запрос на гуманитариев, включая специалистов по прикладной этике. И перед ними встает задача быть готовыми к ответу не только на вызовы, но и на актуальные запросы, а то и способности к трансформации этих вызовов в запросы.

Список литературы

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 2. М.: Политиздат, 1955.
2. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
3. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. – 351 с.
4. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. – 781 с.
5. *Тульчинский Г.Л.* Прикладная этика и новые модели социума // Прикладная этика в современной России: вчера, сегодня, завтра. Ведомости прикладной этики. Вып.50. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2017. С. 30-40.
6. *Тульчинский Г.Л.* Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. № 6. С.121-136.
7. *Allman K.A.* Impact Investment: A Practical Guide to Investment Process and Social Impact Analysis. Wiley, 2017. – 304 p.
8. *Chaffey D.* Latest Gartner Hype Cycles // <https://www.smartinsights.com/managing-digital-marketing/marketing-innovation/technology-for-innovation-in-marketing/> (дата обращения: 12.12.2018)
9. *Weizsaecker von, E., Wijkman, A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. — Springer, 2018. – 220 p.